Лященко Максим Николаевич

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ БЫТИЯ

Данная статья посвящена анализу проблемы одиночества в экзистенциальной парадигме, которая стала основой формирования современного научно-философского взгляда на одинокий тип личности. Экзистенциализм логически и основательно обосновывал одинокий тип личности как образцовый в бытии, который должен в нем преобладать, заключенный в фатальные пределы одиночества, в котором только и способен человек обрести самость (внутреннюю целостность).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. С. 85-88. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ахиллесовой пятой, – беспощадно эксплуатируемый коварным и многократно превосходящим его по силам противником – компьютерным интеллектом в комбинации с всепроникающими сетями.

«Будьте осторожны со своими желаниями — они имеют свойство сбываться», – эта фраза М. Булгакова становится настоящим предостережением. Ваши желания могут быть использованы против вас, искусно и со статистически надежным, предсказуемым результатом, вплоть до полного подчинения. Современная наука, по-видимому, должна со всей ответственностью отнестись к исследованию нынешних процессов в области информации и коммуникаций и последствий их воздействия на человека. Трудно сказать, предметом какой науки является их изучение. Они могут быть исследованы с точки зрения информатики [2, с. 98], компьютерной науки, экономики, психологии, социологии, философии. Это ярко выраженный предмет междисциплинарного научного знания [1, с. 132]. Возможно, самым эффективным здесь будет подход с позиций «здравого смысла». Но, так или иначе, вызывают тревогу процессы, сопровождающие нынешний «информационный взрыв» в совокупности с появлением технологических средств, способных в считанные секунды доставить информацию до большей части населения планеты. С одной стороны, это, без сомнения, гигантский шаг, способный сыграть свою роль в позитивном развитии нашей цивилизации. Но, с другой стороны, эти же процессы одновременно содержат в себе угрозу, если будет реализован их негативный потенциал такого же глобального масштаба.

Список литературы

1. **Волкова В. Н., Черный Ю. Ю.** О проблеме аксиоматического построения междисциплинарных научных направлений // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. Вып. 11. С. 129-137.
2. **Черный Ю. Ю.** Полисемия в науке: когда она вредна? (на примере информатики) // Открытое образование. 2010. № 6. С. 97-107.

VICISSITUDES OF PROGRESS IN INFORMATION TECHNOLOGIES AND LIBRARY SPHERE – VIEW FROM SIBERIA

Leont'ev Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Chemistry
State Public Scientific-Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
alex@prometeus.nsc.ru

The article discusses consequences of scientific progress in relationship with history of Novosibirsk Science Campus, as well as phenomena caused by progress of modern technologies in the sphere of information exchange and computer equipment in terms of harmony, positive human aspirations. The paper shows deep contradictions of the processes taking place between their original perfect idea and reality of later embodiment. The author presents an analysis of how progress in information technologies affects the mass consumer.

Key words and phrases: computer science; libraries; scientific progress; computer technologies; Novosibirsk Science Campus.

УДК 141:111:2-3
Философские науки

Данная статья посвящена анализу проблемы одиночества в экзистенциальной парадигме, которая стала основой формирования современного научно-философского взгляда на одинокий тип личности. Экзистенциализм логически и основательно обосновывал одинокий тип личности как образцовый в бытии, который должен в нем преобладать, заключенный в фатальные пределы одиночества, в котором только и способен человек обрести самость (внутреннюю целостность).

Ключевые слова и фразы: одиночество; экзистенциализм; личность; Бог; коммуникация.

Лященко Максим Николаевич, к. филос. н.
Оренбургский государственный университет
Megamax82@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ БЫТИЯ

Одной из актуальных тем современной философии является проблема одиночества, получившая позитивный импульс в своем изучении именно с развитием экзистенциальной модели бытия, которая предлагала альтернативные античным воззрениям «виденья» проблемы одиночества. Экзистенциализм остается и сегодня достаточно основательным подходом в рассмотрении одиночества, выдвигая его как базовый и подлинный тип личности в бытии и общественном устройстве, где принципиально отсутствуют сущностные связи с другими людьми. Мыслителем, заложившим экзистенциальную стратегию мышления, был С. Кьеркегор.

В произведениях Кьеркегора мы наблюдаем резкий поворот от изучения логики развития мира, истории, общества к внутреннему миру самого человека как отдельного и целостного бытия, наполненного личностными переживаниями. «Киркегор, в отличие от Гегеля, переносит центр мироздания в человека, в человеческую душу, делая ее ареной всех самых жестких и самых беспощадных сражений. Он как бы перевертывает существовавшие до сих пор взгляды на вселенную: макрокосмос становится микрокосмосом, а микрокосмос – макрокосмосом» [2, с. 31]. Каждый такой внутренний мир личности оказывается окруженным анонимной множественностью «некто», не находящей в ней отклика и приводящей только к запиранию Я в своих собственных границах. «Сдается мне, я предоставляю собой нечто вроде шахматной фигуры, о которой противник говорит: заперта!» [3, с. 19]. В таком плане у Кьеркегора личность представляет собой автономный и независимый духовный мир своего самосознания. В то же время нахождение в таком положении перерастает в фатальность, которую не в силах преодолеть человеческое сознание. В таком положении человек может окончательно быть поглощенным конечным, либо быть затерянным в бесконечности. Но в том и другом случае он теряет себя как личность. Одинокий тип личности для Кьеркегора оборачивается полной обезличенностью.

Даже путь к Богу во взглядах Кьеркегора, который не отходил от основных догматов протестантизма, оказывается изначально закрытым для человека. Сам Бог предстает в рассуждениях Кьеркегора в качестве закрытой сверхсущности (системы), и в глубинах собственного неразомкнутого самосознания так и остается затерянным человек. Человеку только и остается, что безответно верить, не надеясь покинуть своего одинокого состояния.

Люди видятся датскому мыслителю одинокими системами, установление сущностных связей между которыми принципиально невозможно. Поэтому Кьеркегор погружает человека в страх и отчаяние, с маленькой долей надежды на удачный исход. Преодоление этих экзистенциалов представляется Кьеркегору практически невозможным, спасение только в вере. Но верить совсем не означает быть с Богом. Кьеркегоровский человек окончательно и безнадежно, на наш взгляд, остается погруженным в одиночество. В целом, Кьеркегор обрекает человека на пассивное и трагически одинокое существование в мире, приводящее к упразднению его временности, т.е. по сути, к экзистенциальной парализации.

М. Хайдеггер, напротив, акцентирует в своей концепции внимание на решимости человека быть и действовать в этом мире в одиночку, в предельной остроте вписывать в него свою временность и историчность [1, с. 43]. Для этого Хайдеггер прибегает в своей метафизике к пониманию бытия человека как экзистирующего в Ничто, в котором открывается сущее, но при постоянном стремлении выхода за него как другого. Отрицание бытия вот-сущего приходит к собственному бытию – Я-бытию. Другие же есть обязательное условие события, в котором человеку дается время и в которое он впускает другого. Другие выступают, по сути, только в диалектической противоположности – условием и одновременно помехой для вот-бытия.

Человек решительно входит в событие и, решительно встречая других, одновременно отрицает их для осуществления своей деятельности. Это – с одной стороны. Но, с другой стороны, человек подчинен обществу, и тогда его бытийствование придается забвению, его бытие служит реализации целей других людей. Здесь теряется его свобода, находящаяся за событием, в его господствующем отношении к бытию. Это и не дает возможности человеку быть с миром, загоняя его в границы бытия, ложно приписываемого ему другими. Именно другие создают чуждое бытие экзистенции. Другие – это только помеха для выхода на истинные рубежи собственного бытия в целом, т.е. мира, который в актах экзистирования творит сам человек, приближая себя к миру.

Общественные связи в «соприсутствии» с «другими» не позволяют обрести своего «Я», опутывая человека ложными основаниями его бытия, растворяя его в анонимности, заставляя «молчать, быть немым» [8, с. 164]. Общество и сообщества людей «означает не то же что: весь остаток прочих помимо меня, из коих выделяется Я, другие наоборот те, от которых человек сам себя большей частью не отличает, среди которых он тоже» [Там же, с. 118]. Выходит, что М. Хайдеггер доводит воззрение Кьеркегора до логического конца, обрывая все связи и опоры человека в общественном бытии и с абсолютной сущностью (Богом), превращая его в одинокое и «монологичное бытие».

С одной стороны, все, что сближало людей и утверждало друг через друга в обществе и в бытии даже ценой одиночества одного из них (Гегель, Фейербах, Маркс), то у М. Хайдеггера предстает в противоположной плоскости – человек «ничтожит» другого человека посредством же его самого. Таким образом, в хайдеггеровской философской системе полностью отрицается позитивный потенциал человеческих отношений и рождающейся в них мощи общечеловеческих ценностей. Человек один на один с собой и миром в своем одиноком монологе с бытием [9, с. 272]. Это обстоятельство находит свое объяснение в утверждении М. Хайдеггера, что человек выдвинут в Ничто [10, с. 24], экзистирует к нему, что дает возможность столкнуться с ужасом, который обеспечивает «выброс» из анонимности. В «падении» в Ничто начинает нарастать событийность, повышаться экзистенциальный уровень пребывания в мире, выводя человека из бытийной «спячки», переводя его целиком и полностью в «брошенную возможность» без опоры на что-либо или кого-либо. Ничто, таким образом, «выбивает» основы общественного бытия, и человек высвобождается, размыкаясь для «самого своего умения быть» в раскрытой перед ним неопределенности, где он составляет свой набросок. Только в невозможности преодоления противоположения человека и общества первый может статься в качестве личности.

С другой стороны, общество и «другие» – обязательное условие одиночества, не было бы других, которые тоже в глубинах своего бытия одиноки, не возможно было бы обрести себя и свое лицо в мире. «Одиночество и “разлука” суть модусы соприсутствия и возможны лишь поскольку присутствие как событие дает встретиться в своем мире присутствию других» [8, с. 121]. Таким образом, в отличие от Бубера, Бердяева

и Кьеркегора, которые оставляли для человека Бога как абсолюта и обретение себя через нахождение и единение с ним, то Хайдеггер приходит к радикальному выводу: изначально человек в своем бытии одинок, и только в одиночестве он обретает свою самость. Человек в философской системе Хайдеггера окончательно оформляется в одинокий тип личности, который выстраивает свой дух вне общества, вне других, в одинокой встрече с Ничто, заставляющее его отрицать, «ибо связи с другими людьми, столь важные и необходимые в обыденном состоянии, теряют смысл» [6, с. 48]. Но возможно ли обрести себя в отрицании, в нигитологии, выстроить новые ценности только в себе и для себя? Наверное, все же нет.

В отличие от абсолютизации Ничто и метафизичности трактовок истории (Хайдеггер), К. Ясперс сосредотачивает свое внимание на проблеме детерминации исторического процесса, направленного на раскрытие бытия человека не столько для себя, сколько для других. Человек может открываться только в опыте бытия, а не за его границами. Человек не столько социальное, сколько историческое существо [11, с. 455, 499]. Именно в истории всегда находит выражение истина бытия, к которой человек имеет возможность «прикоснутся», для этого нет необходимости «падать» в Ничто. Эта укорененность и снимает дихотомию человека и времени, человека и общества (Хайдеггера), утверждая, что человек включен в исторический процесс. Возможно, такой подход также приводит к метаисторичности (метафизичности) человека. Однако корнями его метафизичность уходит все-таки в саму историю, а не наоборот.

Осознание человеком своей конечности приводит его к поиску духовного содержания истории (абсолютному и бесконечному) с целью обретения своей исторической целостности и единства с другими людьми. В этом Ясперс, безусловно, прав, что ценности, в особенности общечеловеческие, играют роль интеграторов. Но, по мнению Ясперса, это единство не окончательное, так как это бы означало конец истории. Но как история устремлена в будущее, так и человечество движется к своему единству как недосягаемому идеалу. История, по сути, и есть процесс, который носит диалектически противоположный характер; она сводит и разводит человечество на основе формирования духовных центров, обладающих большими интегрирующими силами, объединяющими людей в одно целое на основе единых идейно-мировоззренческих ценностей. Таким примером, по Ясперсу, является Осевое время – эпоха, образования духовных центров, объединенных общностью познавательной и ценностно-смысловой рефлексий, заложивших истоки духовной целостности цивилизационного человека. По сути, метаисторически (метафизически) человек не одинок, отрицая, по существу, метафизичность человека в философии Хайдеггера и отчасти Кьеркегора. В этот период человек начинает осознавать свои границы и пытается выйти за них. Это позволит выйти к первоначалам бытия человечества и наладить коммуникацию.

Такая коммуникация основывается на безграничности и всеобщности разума, который требует беспредельной коммуникации. Именно внутри целостного хода истории, в котором он присутствует как часть, продвигается человек к истокам своей уникальности и неповторимости, в которой возможна различная вариация раскрытия целостности самой истории. Чем разнообразней каждый из людей как носитель духа, тем органичнее целостность в тождестве различного.

В итоге Ясперс приходит к неутешительному выводу, что история не открывается в своих истоках разуму человека, последнему остается только верить. Разум в своих последних основаниях переходит к высшему уровню понимания истоков истории – философской вере, в которой все границы отпадают, в том числе и разделение на субъект и объект. В объемлющем «бытие само по себе, которое нас объемлет, либо оно бытие, которое есть мы. Бытие, объемлющее нас есть мы» [Там же с. 425]. Таким образом, разум исходит из философской веры, тем самым позволяя человеку выйти за пределы собственного бытия, т.е. одинокого бытия. В метаисторичности, в прикосновении к истокам истории, возможной лишь в коммуникации, и находится подлинный путь решения проблемы одиночества. Экзистенция «постигает себя лишь в сообществе с другой экзистенцией, коммуникация являет собой образ открытия истины во времени» [Там же с. 442]. По мнению Ясперса, это единственное средство решения проблемы одиночества, обусловленного повсеместным ослаблением различного рода связей (национальных, семейных, духовных) и обостренным самосознанием человека, не находящего ни с кем понимания, доверия и любви.

Все эти симптомы навязываются в ложных типах социальности, в которых экзистенция выступает в виде всего лишь объекта, выпадая из него в качестве неповторимой и уникальной судьбы. Это в свою очередь лишает человека духовного развития, делая одиноким и замкнутым, т.е. общество, подгоняя личность под всеобщие стандарты и социальные «уравнения», только способствует «засилью» в душе человека одиночества, удаляя его тем самым от всеобщих духовно-исторических основ человечества. Сама история и укорененность в ней человека, а также ее в нем позволяет снимать социальные противоречия между людьми, приводящие к одиночеству, и объединять их в единый слаженный духовно пульсирующий организм, где каждый утверждает себя, повторимся, в индивидуализированных, неповторимых и, главное, свободных актах актуализации истории в себе. Но свобода опосредована у Ясперса «метаисторически», духовным центром человечества – Осевым временем. Поэтому человечество в векторе своего развития и должно стремиться к этим истокам. Тогда только человек, по мнению Ясперса, сможет выйти из одинокого состояния и достигнет свободы, углубляя экзистенциальную коммуникацию и сближаясь с другими людьми в интенсивном прорыве к духовным ценностям, заложенным в Осевое время. Люди, народы и даже целые цивилизации, не отозвавшиеся и не включившиеся в духовное движение, начатое в Осевое время, по определению, внеисторичны и в конечном итоге одиноки. Таким образом, Ясперс неявно поставил вопрос уже не об одиночестве отдельного человека, а об одиночестве отдельных этносов и цивилизаций.

Но, в отличие от Ясперса, Ж.-П. Сартр считает, что такая всеобщность не задана заранее метафизическим контекстом развития человечества [7, с. 337], а созидается совместно с другими, где «Я» как экзистенция

имеет возможность быть в самом себе другим. Но другой, как и «Я», имеет возможность отрицать себя в себе же и быть ответственным перед другим за себя. Но, чтобы отрицать, нужен другой, выступающий в качестве обязательного условия. Но, находя в себе другого, «Я» ответственен только перед ним (родителями, обществом, законом, родиной), но не перед собой. «Я» человека получается в заточении и не свободно перед собой. «Это взаимодействие свобод невозможно в том мире, – писал Мунье, характеризуя концепцию Сартра, – где свобода одного может соединиться со свободой другого не иначе, как порабощая ее и подчиняясь ей» [4, с. 501]. И такие «Я» оказываются одинокими, у которых нет собственного «Я», есть только другие, которые отрицают их «Я», тем самым разрушая. В концепции Сартра, «как бы человек ни был вовлечен в переживание общности, – справедливо отмечал Н. Е. Покровский, – он стремится разрушить ее, сохраняя одиночество своего "Я"» [5, с. 17]. Любая форма коллективности невозможна в силу присутствия саморазрушительных тенденций в ней самой. В целом, одинокий тип личности, с точки зрения французского мыслителя, выступает основой любого индивидуального бытия как такового.

Таким образом, в воззрениях Сартра обуславливается погружение «Я» в «одинокую свободу» (выбор и ответственность в одиночестве). «Свобода, согласно Сартру, не может иметь сущности, следовательно, она не может подчиняться никакой логической необходимости, то есть принимает абсолютные измерения. Подлинно человеческая жизнь с необходимостью отрицает существование абсолюта» [6, с. 25], но не существование другого, по сути, ради которого делается выбор, и человек «ничтожает» себя каждый раз заново. Выходит, что все же человек социален, но одинок, и это чувство глубоко бытийно, постоянно выводит личность за границы чуждого ей социума. И этот феномен был открыт экзистенциализмом. Для греков это положение было парадоксально и нелогично, а значит, автоматически ложно. Одинокий человек – это существо вне общества. Или одно, либо другое. Закон единства противоречий отпадал.

В общем, надо сказать, в экзистенциализме одинокий тип личности метафизически предзадан (первичен) и преимуществен в бытии. Общественное бытие откатывается на второй план, и позитивная роль его существенно снижается в экзистенциализме, во многом даже предстает в негативных оттенках. Одинокий тип личности – саморефлексирующий, внутренне переживающий, центрирующийся на своем внутреннем, тотально замкнутом мире. Окружающий социальный мир для такой личности чужд, он приходит к нему, но только пообщаться, и то в одиночестве с самим собой (монолог), не намереваясь найти отклик или социальных контактов. И в конечном итоге этот одинокий тип личности эстетичен (мужественен, красив, самодостаточен, автономен) и рождается во внутренних переживаниях отчаяния, вины и стыда, выборе себя в конфликтных ситуациях-испытаниях, заполняемых внутренним чувством драматизма. Другие нужны только как средство для реализации себя в бытии, а не истинные и подлинные открытые и прозрачные создания, познающие и создающие друг друга. Мир и общество – это, скорее всего, встреча «вещей в себе». Человека, таким образом, экзистенциализм заключал в фатальные пределы одиночества; он одинок в силу объективности своей принципиальной заброшенности и недетерминированности, а мир облекается в темные и мрачные тона, где по его закоулкам бродят одиночки.

Список литературы

1. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
2. **Долгов К. М.** От Киркегора до Камю: очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. 411 с.
3. **Киркегор С.** Наслаждение и долг / пер. с дат. П. Ганзена. Изд-е 3-е. Киев: AirLand, 1994. 505 с.
4. **Мунье Э.** Манифест персонализма / пер. с фр.; вступ. ст. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
5. **Покровский Н. Е.** Человек, одиночество, гуманизм // Лабиринты одиночества / пер. с англ.; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 5-20.
6. **Порошенко О. Ю.** Оптимистическая трагедия одиночества. СПб.: Алетейя, 2015. 216 с.
7. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм // Ф. Ницше и др. Сумерки богов: сборник / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
8. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
9. **Хайдеггер М.** Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем.; сост. В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993. С. 259-272.
10. **Хайдеггер М.** «Что такое метафизика?» // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем.; сост. В. В. Бибихин. М.: Республика, 1993. С. 16-26.
11. **Ясперс К.** Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Республика, 1994. С. 419-508.

PROBLEM OF LONELINESS IN EXISTENTIAL MODEL OF BEING

Lyashchenko Maksim Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Orenburg State University
Megamax82@rambler.ru

The article analyzes the problem of loneliness in the existential paradigm, which has become a basis for formation of modern scientific and philosophical view on the solitary type of a personality. Existentialism logically and thoroughly substantiated the solitary type of a personality as a model one in being, as one that is supposed to prevail in it, enclosed in fatal limits of loneliness, in which a man is able to gain self (internal consistency).

Key words and phrases: loneliness; existentialism; personality; God; communication.